

Антимир современности

(Впервые опубликовано в журнале «Green Anarchy» #18, лето 2004)

В настоящее время существует только одна цивилизация — единая глобальная машина одомашнивания. Непрекращающиеся попытки современного мира развеять чары некультурного мира природы и превратить его в инструмент производства привели к созданию реальности, в которой вне системы не осталось уже практически ничего. Подобные тенденции были заметны уже во времена первых городских поселений. Со времен неолита мы все больше приближались к полной денатурализации природы, кульминацией чего стало сегодняшнее всемирное чрезвычайное положение. Не вызывает сомнений, что в не-будущем нас ждет единственная бесспорная перспектива — крушение всего и вся.

Вряд ли есть необходимость говорить о том, что ни одно из притязаний современности и Просвещения (в отношении свободы, разума, личности) ни на чем не основано. Глобализация, массовость и стандартизация являются неотъемлемыми признаками современности. То, что бесконечное расширение производственных сил очевидным образом несет смерть, — последний удар по вере в прогресс. Недавно появился еще один наглядный пример — Китай, где индустриализация проводится с космической скоростью.

Со времен неолита наблюдается неуклонный рост зависимости от технологии — материальной культуры цивилизации. Как писали Хоркхаймер и Адорно, история цивилизации — это история отречения. Человек получает меньше, чем вкладывает. В этом заключается обман технокультуры и скрытая сущность одомашнивания: растущее обнищание общества, Земли и своего «я». А тем временем современные люди надеются, что раны, от которых они страдают, каким-то образом будут исцелены обещанной грядущей современностью.

Определяющий признак нынешнего мира — встроенная катастрофичность, которая сегодня проявляется каждый день. Однако кризис биосферы, вероятно, менее заметен и ощутим — по крайней мере, в странах «первого мира», — чем повседневное отчуждение, безысходность и капкан рутинной и бессмысленной системы контроля. В результате того, что глобальные системы производства и товарообмена уничтожают все местные особенности, индивидуальность и традиции, человек неуклонно теряет контроль над ходом даже самых малейших событий. Канула в небытие прежняя важность места, замещенная тем, что Пико Эйер называет «культурой аэропорта» — беспочвенной, городской и усредненной.

Современность изначально возникла из колониализма точно так же, как сама цивилизация, даже на более фундаментальном уровне, возникла из идеи доминирования. Некоторые хотели бы забыть об этом ключевом моменте завоевания — или же «превзойти» его, как это делает Энрике Дуссель, предлагая легкое псевдорешение проблемы посредством «Новой

транссовременности» («Открытие двух Америк», 1995). Похожий трюк проделывает и Скотт Лэш в своей книге «Другая современность: иная рациональность» (1999)—совершенно абсурдное название, если принять во внимание его преданность миру технокультуры. Еще одна вымученная неудача — книга «Альтернативная современность» (1995), в которой Эндрю Финберг глубокомысленно замечает, что «технология не является какой-либо специфической ценностью, которую человек выбирает или не выбирает, но лишь вызовом, побуждающим к развитию и увеличению бесконечного количества миров». Триумфальному миру технической цивилизации, «которая предстает пред нами в качестве модернизации, глобализации и капитализма», нечего бояться подобного пустого лицемерия.

Парадоксально, но факт: в большинстве новых исследований разрабатываются основы для выдвижения обвинений современному миру, но их авторы оказываются неспособными сделать выводы из того, что исследуют. Например, Дэвид Абрамс в своей книге «Обаяние чувственности» (1995) предлагает весьма критический взгляд на истоки антижизненной тотальности, но в конце приходит к абсурдному заключению. Отказываясь сделать из своей книги логический вывод (напрашивается призыв противостоять ужасающей системе техноцивилизации), Абраме делает вывод, что этот путь в пропасть, тем не менее, является «органическим» и свойственным планете. Таким образом, «рано или поздно (человечество) должно согласиться с гравитацией и вернуться в землю». Поразительно неадекватный способ завершения собственного анализа.

Ричард Стиверс изучал такие доминирующие в современном мире феномены, как одиночество, скука, психические расстройства и т.д. Результаты его работы по большей части представлены в книге «Оттенки одиночества: патологии технологического общества» (1998). Но все его исследование свелось к созерцанию — точно так же, как и его критика в «Магии технологии»: «Борьба ведется не против технологии, что было бы слишком простым пониманием проблемы, а против технологической системы, которая стала теперь нашей средой обитания».

В «Загадке здоровья» (1996) Ханс Георг Гадамер советует нам вернуть «достижения современного общества со всеми его автоматизированным, бюрократическим и технологическим аппаратом на службу фундаментальному ритму, поддерживающему правильный порядок телесной жизни». Девятью страницами ранее Гадамер отмечает, что именно этот аппарат овеществления и приводит нас к «активному отстранению от самих себя».

Списком примеров можно было бы заполнить стеллажи небольшой библиотеки, а хоррор-шоу не прекращается. Один из тысяч показателей — ошеломляющая зависимость общества от медикаментов. Работа, сон, отдых, отсутствие тревоги/депрессия, сексуальные функции, спортивные показатели — что еще мы не включили? Повышается уровень использования антидепрессантов дошкольниками. Я повторяю — дошкольниками. См. «Нью-Йорк таймс» за 2 апреля 2004 года.

Кроме лицемерной болтовни бесчисленного количества полукритических «теоретиков», однако, есть и просто тяжесть бесстыдной инерции: со всех сторон раздается множество голосов, которые убеждают нас, что современность просто неотвратима и надо прекратить

критиковать ее. Очевидно, говорят нам, что нигде в мире нет спасения от модернизации, и так будет всегда. Подобный фатализм хорошо выражен в названии книги Мишеля Дертурзоса «Что будет: как новый информационный мир изменит нашу жизнь» (1997).

Неудивительно, что у людей превалирует чувство ностальгии — страстная тоска по всему тому, чего мы лишились. Отовсюду слышатся жалобы об утрате, протест против нашей выкорчеванности, призывы вернуться домой. Но, как обычно, поборники еще большего одомашнивания продолжают говорить нам, чтобы мы оставили свои мечты и наконец-то выросли. Норман Джэкобсон («Уход от отчуждения: проблемы национального государства», 2004) предупреждает, что если ностальгия выходит за рамки искусства и легенд, то она становится опасной и представляет угрозу для государства. Этот трусливый левак призывает к «реализму», а не фантазиям: «Учиться жить бок о бок с отчуждением — это политический эквивалент того, чтобы жить, не прячась, как испуганный ребенок, под спасительное одеяло».

Цивилизацию, как ее видел Фрейд, необходимо защищать от индивидуума, и все ее институты — часть этой защиты.

Но как же нам выбраться отсюда, сойти с этого корабля смерти? Одна лишь ностальгия вряд ли подходит в качестве плана освобождения. Главное препятствие для того, чтобы сделать первый шаг, так же очевидно, как и серьезно. Если во главе угла стоит понимание, то очевидно, что нельзя одновременно принимать тотальность и разрабатывать правильную критику и качественно иной взгляд на эту тотальность. Из этой фундаментальной непоследовательности и происходит вопиющая нелогичность некоторых процитированных выше работ.

Я возвращаюсь к замечательной аллегории Вальтера Беньямина на смысл современности: «Его лицо обращено к прошлому. В то время как мы представляем себе цепь событий, он видит одну единственную катастрофу, которая продолжает громоздить руины на руины, свирепствуя подле его ног. Ангел хочет остаться, воскресить мертвых и восстановить то, что было разрушено. Но шторм движется со стороны Рая; он так сильно треплет его крылья, что ангел не может сложить их. Шторм непреодолимо толкает его в будущее, к которому он повернут спиной, а гора обломков возле него растет к небу. Этот шторм мы называем прогрессом» (1940).

Были времена, когда гроза не бушевала, когда природа не выступала в роли противника, которого необходимо пленить и усмирить до состояния суррогата и абсолютного бесплодия. Но мы, подталкиваемые в спину крепнущим ветром прогресса, двигались все быстрее к еще большему разочарованию, обнищавшая тотальность которого подвергает опасности и нашу жизнь, и наше здоровье. Системная сложность фрагментирует, колонизирует и обесценивает нашу повседневную жизнь. Ее двигатель — разделение труда — нивелирует человечность в самом ее основании, калеча и усмиряя нас. Эта специализация, лишаящая навыков, но создающая иллюзию компетентности, является ключевым фактором, который позволяет утвердить одомашнивание.

Эрнест Геллнер в своей книге «Меч, плуг и книга» (1989) отмечал, что до одомашнивания «не существовало даже возможности усиления и усложнения разделения труда и социальной дифференциации». Конечно же, помимо этого нам навязывается вывод, что «регресс» цивилизации обойдется человечеству весьма дорого: в доказательство автор приводит пугающие сценарии развития, которых напоминают имеющиеся порождения современного мира.

Люди начали выдвигать претензии к современности. Перед ее растрескивающимся фасадом уже бродит призрак. В 1980-х Юрген Хабермас опасался, что «идеи антимодерна с примесью премодерна» уже достигли определенного распространения. Огромная волна подобных размышлений сейчас кажется уже неотвратимой: она начинает находить отклик в популярных фильмах, романах, музыке, журналах, ТВ-шоу и т.д.

Кроме того, печально, но факт: накопленное чувство утраты вызвало повсеместную потерю оптимизма и надежды. А отказ от свержения тотальности венчает этот самоубийственный пессимизм и еще сильнее его замораживает. Первым шагом к освобождению может стать только видение, существующей реальностью никак не определяемое. Мы не можем позволить себе продолжать оперировать терминами врага. (Такая позиция может показаться радикальной. Аболиционизм XIX века тоже казался радикальным, когда его сторонники заявляли, что приемлемым может считаться только полная отмена рабства, а любые реформы на самом деле — за рабство.)

Маркс понимал современное общество как состояние «перманентной революции» — видоизменяющейся и бесконечной. Постмодерн несет в себе то же самое в большей степени; ускоряющиеся перемены делают все человеческое (например, наши близкие взаимоотношения) хрупким и разрушают его. Постмодернистские мыслители подняли в разряд добродетелей сам факт и скорость этих изменений, торжественно объявив невозможность оценки универсальным состоянием. Все находится в постоянном движении и контекстно независимо. Любой образ или точка зрения эфемерны и так же правомерны, как и любые другие. Подобный взгляд — это постмодернистская тотальность, позиция, с которой постмодернисты отрицают любые другие взгляды. Исторические истоки постмодернизма неизвестны ему самому по причине основополагающего отвращения к общим представлениям и тотальности. Не имея понятия о центральной идее Качински («Индустриальное общество и его будущее», 1996), которая заключалась в том, что современное технологическое общество постепенно избавляется от содержания и свободы, постмодернисты сходным образом оставили без внимания, что Макс Вебер написал то же самое почти за сто лет до Качински. Или же то, что развитие общества, описанное таким образом — это историческая причина того, что постмодернисты анализируют так абстрактно, как будто это что-то новое, что только они способны (частично) понять.

Антитотальная позиция этих запутавшихся мошенников, отгородившихся от любого понимания логики системы в целом бесчисленным количеством областей, запретных для мысли, выглядит смехотворной на фоне реальности, которая стала тотализированной и глобальной, как никогда. Капитуляция постмодернистов — точное отражение беспомощности, заполнившего культуру. В постмодернистском отказе от сопротивления этическое безразличие и эстетическая самовлюбленность идут рука об руку с моральным

параличом. Неудивительно, что Зияуддин Сардан, представитель неевропейской философской мысли («Постмодернизм и другие», 1998) делает вывод о том, что постмодернизм «сохраняет, а на самом деле и укрепляет, все классические и современные структуры подавления и доминирования».

Возможно, этой культурной моде, господствующей в данный момент, недолго осталось жить. Она, в конце концов, представляет собой лишь новейший розничный товар на рынке репрезентации. В силу самой своей природы символическая культура порождает отстранение и посредничество, которые, как утверждает, являются неминуемым бременем человеческого существования. Собственное «я» всегда было всего лишь уловкой языка, как утверждает Альтюссер. А Деррида сообщает нам, что мы приговорены быть не более чем модусами, через которые язык проходит совершенно независимо.

В качестве продукта империализма символического выступает грустная и банальная мысль о том, что воплощение в человеке не играет существенной роли в работе разума и рассудка. Напротив, необходимо исключить саму возможность того, что когда-то положение вещей было иным. Постмодернизм решительно запрещает тему истоков, идею, что мы не всегда выступали объектом овеществления и предопределения со стороны символической культуры. Самое последнее достижение репрезентации — компьютерное моделирование; его бестелесные иллюзии власти абсолютно точно отображают самую суть современности.

Постмодернисты отказываются принимать неприкрытую действительность с ее четкими первопричинами и присущей ей динамикой. «Шторм» прогресса неистово распространяется повсюду. Бесконечные эстетико-текстуальные увертки — в конечном счете, откровенная трусость. По этому поводу Томас Ламарр предлагает нам типично постмодернистскую апологию: «Современность представляет собой процесс разрушения и переписывания; альтернативные типы современности влекут за собой раскрытие несоответствия в западной современности, в самом процессе ее повторения или же переписывания. Кажется, что сама современность представляет собой деконструкцию» («Столкновения типов современности», 2004).

Только не представляет она собой деконструкцию — как будто это надо объяснять. Увы, деконструкция и детотализация не имеют ничего общего между собой. Деконструкция играет свою роль в сохранении всей этой системы, которая представляет собой истинную катастрофу — фактическую и продолжающуюся.

Эпоха виртуальной коммуникации соответствует постмодернистскому отказу, эпохе истощенной символической культуры. Ослабленная и удешевленная связность находит свою аналогию в фетишизации трансформированного и обесценившегося текстуального «значения». Деконструкция, будучи поглощенной средой, превратившейся в один огромный агрегат символов, приветствует эту несвободу и выдвигает ее в качестве единственно возможного условия существования. Однако девальвация символического, включая безграмотность и цинизм по отношению к нарративу в целом, может привести к недоверию ко всему цивилизационному проекту. Несостоятельность цивилизации на базисном уровне становится так же очевидна, как и ее смертоносное и растущее влияние на человеческую личность, общество и окружающую среду. «Если тексты будут все так же пусты,

предложениям останется место только в музеях», — предсказывал Жорж Батай. Согласно Деррида и другим мыслителям, язык и символическое являются условиями существования знания. Однако в то же самое время мы видим, как понимание становится все более узким. Кажущееся противоречие между всепоглощающим ростом репрезентации и падающим количеством смысла становится причиной того, что первое теряет неприступность — оно подвергается сначала сомнению, а затем и опровержению.

Гуссерль попытался предложить новый подход к смыслу, основываясь на признании опыта/явлений в том качестве, в котором они доходят до нас — прежде чем подвергнутся репрезентации со стороны логики символизма. Ничего удивительного в том, что эта попытка стала главной мишенью для постмодернистов, которые осознавали необходимость искоренить такую точку зрения. Жан-Люк Нанси весьма лаконично выразил свое несогласие с Гуссерлем: «У нас нет никаких представлений, никаких воспоминаний и понятий о мире, который хранит человека (sic!) у себя за пазухой» («Рождение к наличию», 1993). Как же отчаянно те, кто идет на соглашение с кошмаром современного мира, отрицают тот факт, что целых два миллиона лет, до цивилизации сама наша Земля была тем самым домом, который не отказывался от нас и действительно хранил человечество у себя за пазухой!

Измученные информационной болезнью и временной лихорадкой, мы должны взорвать исторический континуум, как предложил Беньямин в своей последней и самой лучшей работе. Пустое, однородное и унифицированное время должно уступить свое место самобытности бессменного настоящего. Исторический прогресс соткан из времени, которое постепенно превратилось в чудовище материализации, измеряющее наше существование и определяющее его. «Время» не-одомашненности, не-времени наполнит каждую секунду нашей жизни пониманием, чувством, мудростью и возвращенным очарованием. Восстановить истинную протяженность вещей можно лишь тогда, когда будет изгнано время и все остальные символические посредники. Деррида, лютый враг подобного хода событий, обосновывает свою позицию разломом природы и якобы извечностью символической культуры: историческое не может закончиться, потому что не может прекратиться развитие символизации. Это аутодафе — присяга бороться против присутствия, подлинности и всего непосредственного, воплощенного, исключительного, уникального и свободного. Западня символического — это всего лишь текущая ситуация, а не вечный приговор.

По Хайдеггеру, язык говорит. Но было ли так всегда? Наш мир переполнен образами и имитациями, и это следствие выбора, который может показаться необратимым. За несколько тысяч лет человек уничтожил сообщество и создал руины. Руины под названием «культура». Те узы близости, которые связывали людей с землей и друг с другом (вне пределов одомашнивания, городов, войны и т.д.), были нарушены, но разве нельзя их восстановить?

Под знаменем унитарной цивилизации на все необычное и живое полным ходом идет атака, возможно, фатальная и очевидная всем. В действительности глобализация только ускорила те процессы, которые начались еще до модерна. Против методичного, систематизированного единообразия и колонизации жизни, приведенных в движение решением начать контролировать и укрощать природу, теперь выступают люди, которые

видят их сущность и видят тот конец, к которому они приведут — если их не победить. Выбор, стоявший в самом начале истории, остался прежним: присутствие или репрезентация.

Гадамер считал, что, по сути, медицина — это восстановление принадлежащего природе, а исцеление — избавление от всего того, что противостоит чудесной способности жизни к возрождению. Я думаю, что это весьма схоже с духом анархии. Уберите все, что стоит на нашем пути, и мы найдем край нашей мечты — он уже ждет нас.

Версия #1

Зверобой создал 18 апреля 2025 18:37:46

Зверобой обновил 18 апреля 2025 18:38:03